
ГРАМАТИЧНА БУДОВА СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ. ПРОБЛЕМИ ДЕРИВАТОЛОГІЇ, МОРФОЛОГІЇ ТА СИНТАКСИСУ

Глущенко В. А.
*Славянский государственный
педагогический университет*

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

В статье дана оценка отраженных в научной литературе концепций лингвистического метода. Обосновано положение о лингвистическом методе как сложной логической единице. В структуре метода выделены три разнородных компонента: онтологический, операциональный и телеологический.

Ключевые слова: научный метод, лингвистический метод, структура метода, онтологический, операциональный и телеологический компоненты.

Лингвисты обоснованно подчеркивают неупорядоченность методологического инструментария современного языкознания [19, с. 48]. В науке о языке нет четкого представления о понятии научного метода, нет полной ясности в вопросе о разграничении методов и связанных с ним феноменов (принципов, подходов, приемов, процедур, операций).

Если «сравнение развитых теорий метода в полном объеме должно составить предмет исследований особого рода – теории лингвистических методов» [23, с. 6] (а это, бесспорно, так), нужно констатировать, что теория лингвистических методов пока находится в стадии становления.

Таким образом, обращение к проблеме лингвистического метода, к вопросу о его структуре является чрезвычайно актуальным.

В предлагаемой статье приводится наша оценка (в значительной мере критическая) тех немногочисленных концепций лингвистического метода, которые отразились в научной литературе. На основе этого дается трактовка лингвистического метода как сложной логической единицы, которая включает в себя три компонента: онтологический, операциональный и телеологический. В

кратком виде рассматриваемая концепция изложена в наших работах [8, с. 12–13; 6; 7]. Подготовка и публикация этой статьи вызвана желанием автора усилить аргументы в ее пользу.

В науковедении термин *метод* употребляют в разных значениях – в широком (как способ, орудие и средство познания) и в узком (как совокупность приемов, процедур, операций исследования). В частности, так интерпретируется лингвистический метод.

Чаще всего лингвистический метод трактуют в узком смысле, как «совокупность приемов, используемых в исследовании языка» [2, с. 232]. Таким образом, в пределах узкого толкования лингвистический метод выступает как гомогенный феномен.

Однако, с нашей точки зрения, отождествление метода с приемами (процедурами, операциями) обедняет понятие лингвистического метода; метод определенным образом отмежевывается от таких важных методологических средств, как принцип и подход, которые не включаются в его структуру.

В связи с этим мы хотели бы привести мысль С. Б. Крымского, который утверждал, что «метод не может быть редуцирован до чисто инструментального функционирования, до простого орудия, но предусматривает осознание нормативно аппаратных средств и ценностных установок в их неразрывном единстве» [12, с. 111].

Наряду с тенденцией отождествлять методы с приемами (процедурами, операциями) в науковедении наблюдается противоположная тенденция – отрывать приемы (процедуры, операции) от методов, рассматривать операциональные элементы отдельно, как самостоятельный феномен. При этом между методом и приемами постулируется тесная связь, но именно связь разных феноменов, а не частей одного феномена. Эта тенденция отразилась, в частности, в употреблении словосочетания «приемы и методы», например в монографии Ю. С. Степанова [23, с. 14]. На наш взгляд, это, равно как и отождествление метода с приемами (процедурами, операциями), обедняет понятие метода. Операциональные элементы должны быть включены в структуру метода как его составная часть.

В широком смысле научный, в том числе лингвистический метод рассматривают как путь познания, его вид и способ, орудие и средство. Такая трактовка является классической: ее истоки можно найти уже у Аристотеля, на нее ориентировался Г. Гегель.

Так, С. Б. Крымский определяет научный метод как систематизированный способ достижения теоретического или практического результата, решения проблем или получения новой информации на основе определенных регулятивных принципов

познания и действия, осознания специфики исследуемой предметной области и законов функционирования ее объектов. Научный метод очерчивает и реализует путь к истине, направления эффективной деятельности, которые ведут к реализации поставленных целей, задает регулятивные и нормативные установки познавательного процесса. Метод отличается от методики и техники тем, что, кроме технической, процедурной части, включает также их теоретическое осознание и особые познавательные принципы, он находится в единстве с определенной теорией или теориями.

В структуре метода С. Б. Крымский выделяет две части. Это, во-первых, «конструктивная часть метода» («ценностные установки»). Сюда входят принципы методологического анализа, образцы и антиобразцы («идолы») их предметного воплощения, а также условия применения метода (его возможности, сфера и ограничения применения). Во-вторых, это «алгоритмически-процедурная часть метода». В эту часть автор включает «стандартные правила», «процедуры», «алгоритмические рецепты (способы действия)», «нормативы» и «требования» [12, с. 111–114].

Таким образом, научный, в том числе лингвистический метод в широком смысле следует интерпретировать как гетерогенный феномен.

Перспективным представляется толкование лингвистического метода как сложной логической единицы с определенной структурой [20, с. 258].

По определению Б. А. Серебrenникова, научный метод вообще и лингвистический метод в частности – это «определенный подход к изучаемому явлению, определенный комплекс положений, научных и чисто технических приемов, применение которых дает возможность изучить данное явление», поэтому «метод всегда является системой» [там же]; специфика метода определяется объектом исследования и его целью [там же, с. 259].

Обобщив эту концепцию, Л. П. Иванова указала, что в структуре метода можно выделить два основных компонента: «теоретическое обоснование данного подхода к анализу языковых и речевых фактов» и «вытекающую из него методику исследования» [10, с. 245].

Соглашаясь с Л. П. Ивановой в целом, мы хотели бы отметить, что, поскольку на современном этапе развития науки существенно возрастает роль конструктивистских моментов в научном познании (А. Г. Спиркин), понятие метода должно связываться с понятием цели (З. А. Каменский). При условии включения цели исследования в

структуру метода (а это представляется правомерным) в ней может быть выделен третий компонент – телеологический.

С нашей точки зрения, наиболее расчлененные представления и средства для достаточно адекватного описания лингвистического метода разработаны в пределах интерпретации метода как единицы, включающей в себя три разнородных компонента: онтологический, операциональный и телеологический.

Это положение В. И. Постоваловой [17, с. 24] было развернуто и обосновано в наших публикациях [8, с. 12–13; 6; 7]. Мы при этом принимали во внимание не только собственно лингвистические методологические исследования, но и работы общего науковедческого характера.

При таком подходе комплекс научных приемов (процедур, операций) и методика их применения составляют лишь один из компонентов метода – операциональный.

Охарактеризуем онтологический компонент метода. Онтология выступает в роли средства, с помощью которого исследователь воспринимает мир как некую определенным образом расчлененную целостность, данную ему в системе философских категорий. «Подсистема» онтологии словно замыкает познавательное движение: она является и логически первым шагом, задавая категориальное видение объекта исследования, и логически последним, включая в себя полученные результаты [21, с. 26–27]. Из этого следует, что как принадлежность онтологического компонента научного метода целесообразно рассматривать такие средства познания, как принцип и подход.

Научный принцип является важнейшим методологическим средством, основой познания, теоретико-методологической основой метода. В роли принципов выступают глобальные положения с широким радиусом действия, имеющие стратегическое значение [16, с. 102]. Иногда принцип рассматривают как исходный пункт исследования или как его конечный результат. Однако такая интерпретация недооценивает значение принципа как средства познания. Безусловно, правомерным является положение о том, что принципы выступают как исходные, промежуточные и конечные теоретические обобщения [21, с. 25–26].

Научный подход, тесно связанный с принципом, трактуют как методологическую ориентацию исследования, как позицию, с которой рассматривается объект изучения, т. е. как понятие, руководящее общей стратегией исследования [3, с. 74]. Подход определяет направление исследования [16, с. 24; 4, с. 59], однако он, в отличие от

принципа, не является непосредственным орудием познания [16, с. 24]; подход отражается в принципах, приемах и процедурах данного метода [4, с. 60].

В качестве примера рассмотрим структуру сравнительно-исторического метода. В его онтологический компонент входит ряд принципов и подходов. Ведущим для этого метода принципом, который, собственно, и вызвал к жизни сравнительно-историческое языкознание, является принцип историзма. Однако это не единственный принцип в структуре онтологического компонента сравнительно-исторического метода. Наше исследование показало, что в компаративистике значительную роль играют также принципы причинности, системности и всеобщей связи явлений [8].

В научной литературе принципы историзма, причинности, системности, всеобщей связи явлений рассматривают как «общефилософские» [16, с. 80] и как принципы лингвогенетических исследований вообще [9, с. 29–44]. В частности, они, как мы старались показать, являются принципами сравнительно-исторического исследования, входящими в онтологический компонент сравнительно-исторического метода [8, с. 15–22]. Указанным принципам соответствуют определенные подходы (исторический, причинный, системный).

Важным является вопрос о взаимосвязи принципов историзма, причинности и системности в сравнительно-исторических исследованиях.

В философии достаточно распространенным является объяснение взаимосвязи этих принципов путем обращения к принципу всеобщей связи явлений. Так, Я. Ф. Аскин отмечает взаимосвязь принципов детерминизма и всеобщей связи явлений и подчеркивает, что детерминизм отражает активную сторону этой взаимосвязи [1, с. 14]. А. Г. Спиркин считает, что принцип всеобщей связи явлений существует в причинном и системном проявлении [22, с. 87].

Подобный подход отразился и в языкознании. По мнению В. М. Русановского, конкретизацией принципа всеобщей связи является принцип причинности [18, с. 3], а с точки зрения А. С. Мельничука – принципы причинности и системности [14, с. 19–20]. Наиболее завершённый вид такой подход получил в концепции В. К. Журавлева: как конкретизацию и проявление универсального принципа всеобщей связи явлений автор рассматривает три принципа – историзма, причинности и системности [9, с. 39–40].

Операциональный компонент сравнительно-исторического метода включает ряд приемов и процедур. По Г. А. Климову, это 1) прием генетического отождествления фактов, 2) процедура лингвистической реконструкции, 3) приемы хронологизации и локализации языковых явлений [11, с. 84]. Наиболее существенной частью операционального компонента сравнительно-исторического метода является процедура лингвистической реконструкции [13, с. 202].

Телеологический компонент сравнительно-исторического метода составляет его цель. В современной компаративистике ее трактуют достаточно широко: это воспроизведение моделей праязыковых состояний семей и групп родственных языков, их дальнейшего развития и членения на самостоятельные языки, а также создание сравнительно-исторических описаний (грамматик и словарей) родственных языков [15, с. 485].

Однако, с нашей точки зрения, сравнительно-исторические исследования направлены не только на освещение конкретных фактов из истории тех или иных языков, т. е. имеют исключительно фактологический характер. Конкретные языковые факты можно осознавать как проявление общих закономерностей в «подсистеме» онтологии, а цель исследования — как раскрытие исторических, причинных, системных связей фактов языка, т. е. как реализацию принципа всеобщей связи явлений на конкретном историко-языковом материале [8, с. 14–15]. Именно так, с методологических позиций, трактовали цель сравнительно-исторического исследования ученые Харьковской и Московской лингвистических школ [там же, с. 99, 175].

Перспективы дальнейших исследований мы усматриваем в углубленном изучении ряда актуальных вопросов: 1) понятие лингвистической методологии; соотношение понятий метода, методологии и методики; 2) принципы и подходы: сущность, отличия, классификация; 3) операция, прием и процедура, их содержание и специфика; 4) уточнение классификации (классификаций) лингвистических методов и выявление специфики каждого метода.

Література:

1. Аскин Я. Ф. Философский детерминизм. — Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1974. — 68 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 608 с.

3. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – М. : Наука, 1973. – 270 с.
4. Бойченко И. В. Проблема метода в категориальном аппарате исторического материализма // Социальное познание: принципы, формы, функции : сб. науч. трудов / отв. ред. В. И. Куценко, И. В. Бойченко. – К. : Наук. думка, 1989. – С. 56–78.
5. Бойченко И. В., Куценко В. И. Значение исторического материализма для обоснования принципов социально-научного познания // Социальное познание: принципы, формы, функции : сб. науч. трудов / отв. ред. В. И. Куценко, И. В. Бойченко. – К. : Наук. думка, 1989. – С. 8–26.
6. Глуценко В. А. К вопросу о структуре лингвистического метода // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-методич. сб. / отв. за вып. В. А. Глуценко. – Славянск, 2001. – Вып. VIII. – С. 3–6.
7. Глуценко В. А. Лінгвістичний метод і його структура // Мовознавство. – 2010. – № 6. – С. 32–44.
8. Глуценко В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20-і рр. XX ст.) / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; відп. ред. О. Б. Ткаченко. – Донецьк, 1998. – 222 с.
9. Журавлев В. К. Диахроническая фонология. – М. : Наука, 1986. – 232 с.
10. Иванова Л. П. Общее языкознание. Курс лекций : научное пособие. – К. : Освіта України, 2010. – 432 с.
11. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики / отв. ред. Н. З. Гаджиева. – М. : Наука, 1990. – 168 с.
12. Кримський С. Б. Запити філософських смислів. – К. : Вид. ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
13. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. – М. : Наука, 1977. – 205 с.
14. Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 19–32.
15. Нерознак В. П. Сравнительно-исторический метод // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 485–486.
16. Подкорытов Г. А. О природе научного метода. – Л. : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1988. – 224 с.
17. Постовалова В. И. Историческая фонология и ее основания : опыт логико-методологического анализа. – М. : Наука, 1978. – 203 с.

18. Русанівський В. М. Марксистсько-ленінська методологія вивчення лінгвістичних об'єктів // Мовознавство. – 1980. – № 6. – С. 3–11.
19. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми : підручник. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
20. Серебренников Б. А. Проблема взаимоотношения общей методологии, лингвистической науки и частных методов лингвистического исследования // Общее языкознание : методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1973. – С. 257–313.
21. Снесар В. И. Место принципов в системе научного знания // Анализ системы научного знания / под ред. Я. Ф. Аскина, Т. К. Никольской, Б. И. Мокина. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1976. – С. 24–27.
22. Спиркин А. Г. Основы философии : учеб. пособие для вузов. – М. : Политиздат, 1988. – 592 с.
23. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М. : Наука, 1975. – 311 с.

Глуценко В. А. До питання про концепції лінгвістичного методу.

У статті подано оцінку відбитих у науковій літературі концепцій лінгвістичного методу. Обґрунтовано тезу про лінгвістичний метод як складну логічну одиницю. У структурі методу виділено три різномірні компоненти: онтологічний, операційний і телеологічний.

Ключові слова: науковий метод, лінгвістичний метод, структура методу, онтологічний, операціональний і телеологічний компоненти.

Glushchenko V. A. To the question of the conceptions of the linguistic method.

The analysis of various concepts of the linguistic method is presented in the article. The thesis of the linguistic method as a complex logical unit is grounded. Three different components, e. d. ontological, operational and teleological, are distinguished in the structure of the method.

Keywords: the scientific method, the linguistic method, the structure of the method, ontological, operational and teleological components.